УЗНИКИ ЭМОЦИЙ

ЦИФРА

— ТОМ 2 —

ПОПОВ КИРИЛЛ

12+

Кирилл Попов

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ.
Том 2: «ЦИФРА»

«Автор»
2026

Попов К.

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ. Том 2: «ЦИФРА» / К. Попов — «Автор», 2026

(Это черновик, просьба не покупать!)1995–2006.«Если появилось страдание — его можно вырезать». В 1995-м это звучало как клятва врача. Учёные центра «Гармония» создали «Симфонию гормонов» — технологию, управляющую страхом, радостью и горем. Сначала — терапия. Потом — эксперимент. Потом — система, которой не нужно ничего запрещать: она измеряет и регулирует. Люди не замечают, как становятся сырьём. Самое страшное рабство — то, которое ты сковал себе сам.Анна знает: отец погиб не случайно. Он успел оставить тайну — дискету. Марк — студент с потёртым рюкзаком. Он не знает, что за ним давно ведут «личное дело», а система не наказывает — она использует.КПП, который не обмануть: тело честнее планов. Резервации. Эмоции — топливо, а человек, который никого не узнаёт, — безопасный свидетель. Свободу не отбирают. Её отдают добровольно — с подписью и улыбкой.Прочитавшие первую часть узнают голоса. Остальные — узнают себя.

© Попов К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 4. Симфония гормонов. Глава 1. Блокиратор 5
Глава 2. «Гармония» 7
Глава 3. Куратор 9
Глава 4. Свой 11
Глава 5. Экстрактор 13
Глава 6. Компромисс 15
Глава 7. Концентрат страха 17
Глава 8. Метания 20
Глава 9. Искра 22
Глава 10. Испытания 24
Глава 11. Утилизация 28
Глава 12. Эликсир эмоций 30
Глава 13. Конфликт 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Кирилл Попов
УЗНИКИ ЭМОЦИЙ. Том 2: «ЦИФРА»

Часть 4. Симфония гормонов. Глава 1. Блокиратор

1995 год

Выхолощенная чистота — как приобретённое заболевание.

Любые стены хранят запахи обитателей и их поступков; если запаха нет, то либо все умерли, либо живые неотличимы от мёртвых. Тепло — как на экваторе, свет — как полярный день: эритемные лампы не гаснут никогда. Ничего не должно отвлекать от результатов. С одним риском: ночь может наступить внезапно.

Лина любила стабильность.

В двадцать восемь лет она успела защитить диссертацию, получить признание и стать самым перспективным исследователем. Научная работа, подтверждение теории. Теперь — устройство, способное изменить представление об устройстве психики.

«Блокиратор выработки гормонов».

Всего три слова.

Угроза? Воровство? Личная жизнь? Вопросов больше, чем ответов.

Лина знала, что внутри.

Механизм, способный ограничивать процессы, которые, по её мнению, мешали людям.

— Это не просто прибор, — сказала она, обращаясь к собравшимся сотрудникам. — Это возможность избавить человека от страданий, которыми его наградила природа.

Спокойно. Без желания впечатлить, без торжественности. Позиция проста: прибор говорит за себя сам.

— Страх, тревога, приступы гнева — всё это измеримо, это можно потрогать. Если мозг — механизм, то дотронуться до него — полдела. А отрезать «лишнее»…

Бесхозный экран на столе показывал линии. Лина не смотрела. Это всего лишь испытания — не более. Часть соответствовала расчётам, часть требовала проверки. До выводов было далеко; убеждённость же была уже здесь.

Лина не считала эмоции ересью. Она считала их мензурками, делениями шкалы, миллиграммами. Наука говорила на этом языке. Но в её рассуждениях уже жило допущение, которое она не подвергала сомнению: если появилось страдание, его можно вырезать.

— А что произойдёт, если мы подавим не только страх? — спросил кто-то из присутствующих.

Гнев боролся с тактом.

— Поэтому мы исследуем. Определяем границы дозволенности.

— Границы воздействия или границы допустимого?

Эта фраза заставила Лину промолчать.

Спрашивал соратник — Александр Петрович Волков. Ему было сорок. Родившись в 1955 году, он успел поработать достаточно, чтобы знать: удачный результат ещё не означает открытия.

Волков не был из тех, кто отвергает всё новое. Он внимательно следил за чужими работами и признавал лишь то, в чём был уверен. Поэтому его сомнения имели вес.

— Блокиратор, — сказал он. — Скажи мне, коллега: вырезая опухоль, не заденем ли мы артерию?

Лина улыбнулась.

— Ваши метафоры, Александр Петрович…

— Метафора видит то, что не помещается в таблицу.

Он указал на бесхозный монитор.

— Ты говоришь о страхах. Человек не испытывает их по команде. Всё связано. Даже боль иногда полезна.

— Я не предлагаю отключать всё, — возразила Лина. — Я хочу регулировать.

— Мы боги?

Она не ответила сразу.

— Я врач. Исследователь — остальное, в зависимости от ситуации.

— А если появляются сомнения?

Лина выдержала паузу. Пальцы на мгновение сжались на краю стола.

— Это технологии. Новые технологии, не более.

— Так обычно мы и делим ответственность, — сказал Волков. — Одни создают. Другие решают, что с этим делать. А потом каждый оправдывается.

Молчание тянулось.

Волков вспомнил жену. Маришу.

Лина вспомнила первый курс. Тепло весенней молодости.

Но ни он, ни она не могли отделить шлейфа аромата прошлых событий от ощущения того, что меняет нас изнутри.

Они ничего не сказали друг другу. Личный опыт не заменит научного доказательства. Некоторые вещи теряют смысл, если пытаться сохранить только приятную часть.

— Эмоции — не только страдание, — продолжил он. — Это радость, привязанность, творчество. Если мы уберём всё, что причиняет боль, что останется от человека?

— А если боль разрушает жизнь? — спросила Лина. — Если годами жить в страхе? Мы должны оставить всё как есть — из-за сложности природы?

Волков посмотрел на неё внимательнее.

— Нет. Я прошу не путать помощь с тем, чтобы сделать человека удобным обществу.

— Пока не проведём исследования, не узнаем, где граница.

— Согласен. Но ты должна помнить: граница есть, даже если прибор её не увидит.

Лина отвернулась. Машинально дорисовала на листе третью сторону треугольника.

Она уважала Волкова и не считала его слова пустыми. Он знал науку, видел возможности и не останавливал исследования. Спорить с ним было сложнее, чем с остальными.

Лина не желала признавать неизвестность препятствием.

Наука не знает заранее последствий открытий. Если прекращать работу перед каждым вопросом, на который нет ответа, человеку остаётся лишь терпеть.

Блокиратор.

Она видела в нём не символ власти, а электронное устройство. Всё остальное — неважно.

Но слова Волкова не прошли мимо. Впервые за разговор она задумалась.

— Я учту ваши замечания.

Волков не требовал большего.

Все вернулись на рабочие места. Экран продолжал вещать вникуда.

Блокиратор готов.

В 1995 году никто не знал, во что это превратится.

Пока существовала только лаборатория, прибор и выбор.

— Начинаем, — сказала Лина.

И нажала кнопку.

Глава 2. «Гармония»

1995 год

Морозное утро оставляло бледные узоры на окнах главного корпуса «Гармонии». За стеклом — живой мир; внутри — параметры.

Лина шла по длинному коридору, знакомому наизусть. Глаза нейропсихологов прошлого наблюдали с портретов, собранных в один ряд. Их лица казались чужими, а взгляды — живыми.

Все они пытались постичь человеческий разум. Теперь они были лишь бумажками с краской на пыльной стене — обещали науке сенсации, оставили пустоту.

Лина не видела в этом противоречия. Если наука способна объяснить страдания, значит, она научится избавлять от них. Никакой сенсации: последовательность и алгоритм — не более. Знания не должны превращаться в проблему — аксиома.

Лифт опустил её на минус первый этаж. Дальше зимы не существовало: всё — линии. Вонючие реактивы — самое гадкое, что есть в лабораториях. Смешивать с ними аромат горьковатого кофе из столовой — кощунство. Привычное утро. Кофеин помогает, реактивы раздражают. Всё остальное — фон.

У дверей лаборатории стояли младшие сотрудники и студенты. Они разговаривали вполголоса, но, заметив Лину, постепенно замолчали. Один продолжал смотреть ей вслед, словно хотел задать вопрос.

«Блокиратор» оброс слухами. Для одних обещал избавление от депрессии, для других был лишением. Большинство никогда не видело прибора в действии. Неизвестность — великая сила!

Лина замечала настороженность, но считала её величием. Люди боятся того, чего не понимают. Задача науки — заменить страх достойным результатом.

Хаос в лаборатории был для всех — но только не для Лины. Неровности, запутанности, недосказанности, каверзы, ошибки. Всё это — неровные линии, отражавшие реакции окружающих. Мозг Лины превращал их в последовательности.

Живая реакция становилась графиком. Она приобретала форму.

Лина подошла к компьютеру и проглотила глазами очередную порцию цифр и букв. Один настраивал, другой проверял, третий изучал. «Марионетки». Каждый на своём месте — закон; каждому показателю — по человеку.

Один из графиков заставил Лину рассердиться.

Отклонение было слишком ничтожным, чтобы говорить о неисправности, но слишком заметным, чтобы игнорировать. Она проверила. Ошибка могла скрываться где угодно.

— Альфа-ритм на частоте восемь–тринадцать герц стабилен? — спросила она, не отрывая взгляда от каши из символов.

— В пределах, — ответил лаборант.

— Точнее!

— Девять. По нижней границе, — он опустил глаза и мир сжался в атом.

Непогружённость сотрудника ещё не означала, что ответ неверен. Однако фраза «в пределах» подожгла мозг Лины.

В последние дни всё чаще спорили о норме и о том, кто должен её определять. Разговоры возникали везде: у лабораторных столов, в курилках, после совещаний. Одни видели в блокираторе возможность помочь, другие — опасность.

Лина услышала обрывок разговора.

— Если всё получится, мы сможем помочь тысячам. Избавить их от жизни? — говорил один. В его голосе звучал приговор. — Ты представляешь, сколько людей не могут нормально жить?

— Представляю, — ответил второй. — Но мы же не убиваем — мы даём новую жизнь. Так? Или нет?

Первый не ответил сразу.

— Завтра узнаем.

Лина не вмешалась. Она могла бы изложить свою истину. Могла бы объяснить. Но остановилась: проблемы насекомых её не интересовали.

Сначала требовалось добиться главного. После этого оценивать. «Рано».

Лина не думала об этом как об отступлении. Она считала последовательные действия главным двигателем к истине. Её уверенность опиралась на знания: измерять, сравнивать, проверять, исключать, корректировать.

Данные сменились; Лина сопоставляла результаты. Всё было проще, чем в разговорах с людьми. Цифры не просили понимания, не возражали и не пытались угадать намерения. Они показывали то, что измеримо.

Всё остальное — «ноль».

Основа будущей системы уже складывалась в стенах «Гармонии».

Каждый шаг по отдельности казался шагом вникуда. Всю картину не видел почти никто. Почти…

Лина верила: будущее рождается из точности.

Глава 3. Куратор

1995 год

Иван Сергеевич вызвал Лину ровно в полдень.

Она ожидала обычного разговора: результаты измерений, отклонения, сроки. Но, войдя в кабинет, поняла — разговор будет другим.

Сомов врос в стол. Перед ним лежала закрытая папка. Сесть он Лине не предложил.

— Лина, нам придётся поменять стратегию. Наш проект больше не принадлежит нам. С этого часа всё курирует СЭБ.

Она приготовилась спросить — и промолчала. В стенах «Гармонии» слово «безопасность» звучало иначе, чем в официальных документах.

— Вашим куратором назначен полковник Орлов. Все данные по блокиратору будут дублироваться туда: каждый результат, каждое изменение — всё. Архив «Омега» они забрали.

Лина посмотрела на пустую папку с фиолетовым логотипом «Омега».

— А кто будет определять, что нам исследовать дальше? Кто решит, что важно?

Глаза Сомова не поднялись. Никаких жестов, никакой мимики.

Он не ответил. Возможно, не знал. Или не хотел.

Передача материалов состоялась. Факт.

Орлов.

Он не задержался у входа, не стал здороваться с сотрудниками. Его взгляд — скользкий, выматывающий — облизывал ядом всё вокруг. Он не осматривал — испепелял.

За ним вошли двое. Они разместились у дверей и начали устанавливать оборудование — своё, как у себя дома.

Работа в лаборатории стихла. Сотрудники старались не смотреть на них: каждый боялся своего «полглаза».

— Темпы недостаточны, — заявил Орлов. — Отчётность мне — ежеквартально.

— Ваша задача — не лечить. Вы — равновесие.

Лина молчала несколько секунд.

До этого момента блокиратор считался самым сложным и опасным, что есть в «Гармонии». Теперь назначение проекта — вкупе с Орловым — походило на зло. Социальное равновесие — понятие размытое. В придачу его доверили устанавливать людям, произносившим слово «наука» один раз в жизни…

— Мы ещё не завершили проверку прототипа, — сказала Лина. Она защищала не блокиратор — свой статус. — Мы не можем гарантировать безопасность применения.

Орлов источал холод — напрасно: он и так ожидал подобной реакции.

— Поэтому и продолжите то, что начали.

— А цели?

— А цели, доктор Колесникова, определены.

Он произнёс это спокойно, тихо — как после ядерного взрыва. Затем повернулся к остальным и начал обсуждать сроки, доступ, порядок передачи отчётов.

Разговор продолжился так, будто ничего не случилось. Будто речь шла о новом методе работы — не более.

Лина смотрела на это скотство. Иван Сергеевич не вмешивался. Ещё недавно его слово имело вес — теперь он перешёл в чужие руки. С потрохами.

Вскоре «Гармонию» не узнали.

В коридорах — камеры. Люди без знаков различия беседовали со всеми: неудобные вопросы, доносы, доносы, доносы.

Пропуск перестал быть достаточным условием доступа. Каждый проходил личную идентификацию по магнитной карте. Часть данных исчезла из рабочих каталогов и появилась в «другом месте».

Изменения вводились без объяснений.

Каждое требование можно было принять за меру безопасности. Но эти меры создавали новый порядок, в котором любое действие регистрировалось, сопоставлялось с данными и оценивалось тем, кого никогда никто не видел.

Однажды Александр Петрович Волков присел рядом с Линой у кофейного автомата.

Над ними, в углу, поблёскивала широкоугольная линза. Волков посмотрел на неё и лишь потом заговорил.

— Похоже, нас не просто курируют. Наблюдают.

Лина обожжённо подула на край стакана.

— Это СЭБ.

Волков был встревожен.

— Мы больше не врачи? Не исследователи? Мы сами — часть эксперимента.

Лина сняла крышку с бумажного стакана.

Она вспомнила слова «инструмент равновесия», закрытую папку на столе Сомова, людей без формы и без имён, камеры и требование передавать всё — неведомо куда.

— Александр Петрович. Щель нужна для питья, но жар она не выпустит. — Лина облизнула обожжённую губу и закрыла стакан крышкой. — Прототип в лаборатории. Расчёты по-прежнему появляются на экранах. Сотрудники работают. Мы совершенствуем конструкцию.

— Не этого ли нам и надо?

— Того, что надо нам, — набрался смелости Волков, — мы уже не определяем…

Он посмотрел на Лину внимательнее. «Думать. Они не узнают, о чём мы думаем». Волков ничего не сказал в ответ. Он встал и ушёл, оставив у автомата остывающий кофе.

Впервые Лину не волновал блокиратор.

Её беспокоило другое: кто будет решать — и что произойдёт, если человек, получивший такую власть, назовёт всё это общественным благом. Публично.

Глава 4. Свой

1995 год

Андрей Смирнов пришёл тихо. Он не ждал внимания. Едва переступив порог, осмотрел помещение — так, словно заранее знал, что именно собирался проверить.

Ему было едва за двадцать. В осанке и сдержанности чувствовалась выучка СЭБ. Смирнов держался так, будто личное присутствие было формальностью, а настоящая работа начиналась там, где появятся данные.

— Техник-аналитик Смирнов. Куратор потоков данных для архива «Омега».

Речь была без подчёркнутой строгости. Власть, полномочия — нет, это не его.

Он пришёл знакомиться. Слово «аудит» Смирнов считал ругательством.

Пока Лина подбирала слова, Смирнов включил первый попавшийся компьютер и запросил доступ. Его не интересовали журналы исследований, расхождения между показателями. Он спросил о самочувствии испытуемых. Живой, что ли?

Лина наблюдала. Смирнов не суетился; любопытства в нём было немного. Он проверял, сверял записи, искал. Но что-то в его действиях выдавало истинную натуру.

Из угла лаборатории за происходящим следил Александр Петрович Волков. В кармане халата он сжимал пустую упаковку седативного препарата. Взгляд то и дело возвращался к Смирнову — к тому, как тот штамповал очередной листок, сверяясь с данными на мониторе. Глухие удары резинки о бумагу, о деревянный стол: бам, бам, бам.

— Вы довольно молоды для такой внимательности, Андрей, — наконец подал голос Волков. — Вас когда-нибудь учили искать новые идеи? Или только отклонения в графиках?

Смирнов и не думал отрываться от компьютера: сарказм был явным, но не злым.

— «Омега» не делит мир на новые и старые идеи, Александр Петрович. Она видит стабильность и шум. Моя работа — убирать шум.

Волков кивнул и вернулся к столу. Смирнов произнёс это без вызова — гладко, как протяжный звук. Собственное ли это убеждение или всего лишь правило — пока было неясно.

За первые две недели присутствие Смирнова стало частью «Гармонии». Он перечислял факты обычного утра: гул кофе-автомата, шаги в коридоре, смех из столовой. Всё это — шум, который система умеет превращать в график. Даже в курилке его не боялись.

В отчётах значились минимальные технические отклонения. Для системы это был шум. Разница между наблюдением и обвинением становилась всё менее очевидной.

Смирнов не повышал голос, не угрожал, не требовал послушания. Он просто собирал сведения. Спорить с ним было невозможно: претензий он не высказывал — всегда безмятежно спокоен.

Как-то ночью Лина задержалась. На мониторах оставались открытыми результаты очередного цикла.

Смирнов тоже задержался. Он не спал — стоял перед узкой щелью стекла в коридоре, на уровне земли. Впервые Лина увидела его не перед компьютером и не среди сотрудников, у которых он собирал сведения. Он смотрел на город, но, судя по неподвижному вниманию, думал о другом.

— Вы знаете, что они сделали в экспериментальных школах на окраине?

Лина подошла ближе. Андрей услышал её шаги.

— Установили магнитные рамки и камеры с передатчиками. Теперь операторы считывают индекс тревожности у детей на входе. Если ребёнок плачет из-за разбитой коленки — система фиксирует. Данные уходят в СЭБ.

Он перечислял факты с той же точностью, с какой анализировал данные.

Лина представила ребёнка — и показатель, который система получает вместо слёз.

Она посмотрела на тёмное стекло. В нём отражались они оба. В отражении Смирнов стоял к ней лицом, а смотрел в город.

Лина по-прежнему считала блокиратор наукой, результатом своей работы. Но теперь она видела: похожий принцип применялся за пределами лаборатории.

— Вы не просто создаёте прибор, Лина, — Смирнов повернулся. — Вы создаёте контроль. И мне кажется… мы все только что перешли черту, за которой «Омега» станет единственной реальностью.

Лина готова была возразить: прибор и система — не одно и то же; назначение технологии определяют те, кто ею распоряжается.

Но ни один из этих доводов не отвечал на вопрос, возникший между ними.

Она не знала, чего Смирнов ждёт. Он служил системе и собирал сведения — но сейчас говорил о ней так, словно сам пытался определить границу, за которой привычная работа приобретала другой смысл.

Предупреждение. Или проверка?

Лина не стала спрашивать.

Глава 5. Экстрактор

1995 год

К четырём часам утра старый день был опустошен и беспомощен от усталости. Остались темнота и редкий блеск на поверхности приборов и оборудования. Воздух лишился не только пыли, но и случайного вздоха: всё устало остановилось.

Лина продолжала изучать схему блокиратора, но замыленный взгляд отказывался переваривать сгусток нужной информации. Блокиратор мог определить волновой след гормонов в плазме — а собственная плазма Лины к утру была опустошена.

После пятнадцатиминутного полудрема в кресле мысли освежились. Это не было озарением. Скорее — проблеск.

— Блокировка — слишком просто.

В пустой лаборатории собственный голос показался чужим: резким, режущим. Ещё один взгляд на схему.

— Мы гасим процесс, хотя могли управлять. Не уничтожать — использовать.

Сырая тряпка стирала с доски, чёрной как смоль, следы детского мела. Новые линии соединялись в контур, контур превращался в схему. Возникала идея электромагнитного резонансного фильтра, способного выделить человеческую душу из плазмы крови.

Каскад частот вступал в резонанс с молекулами адреналина, окситоцина и дофамина.

— Сепарация в потоке, — проговорила Лина, следя, как одна формула тянет за собой следующую. — Человек вырабатывает гормоны. Мы не блокируем — отделяем концентрат через магнитный фильтр.

На доске возникла белая паутина. Лина увидела последовательность: определить, настроить, отделить, сохранить.

«Жатва».

Она не проектировала. Она выжала из собственного мозга способ получить то, что прежде считалось жизнью, — и превратить это в источник сырья.

Именно это должно было бы заставить её остановиться. Но Лина не смогла. Если блокиратор подавляет, экстрактор мог сцеживать. Два устройства — два подхода.

Вопрос: кому и зачем понадобятся результаты?

Сомов вошёл так тихо, что она не заметила. Он подошёл к доске, не нарушая её таинства. На лице профессора лежала усталость, но он вникал в паутину — до тех пор, пока не увяз в липких, тонко хитросплетённых мыслях Лины.

— Лина, экстракция — это другое!

— Конечно.

Ответ легко обнаруживался в одной из формул.

— Я спрашиваю о вмешательстве в человека. Имеем ли мы право это делать? Ты превращаешь кровь в электролит, человека — в материал.

Спор в пять утра? Нет.

Позже в лабораторию вошёл Андрей Смирнов. Он наскоро рассмотрел схему, затем быстро перерисовал её. Вопрос о гуманизме не встал. Его интересовали параметры и путь в «Архив».

— Пропускная способность сепаратора? — спросил он, продолжая записывать.

Лина назвала значения — ровно, без запинки. Смирнов вписал. Он не обсуждал. Человек, из чьей крови предполагалось получать концентрат, был уже не важен.

Следом заглянул Волков.

— Если добавить обратный контур охлаждения плазмы, чистоту экстракта можно поднять до девяноста пяти процентов.

Лина сверила расчёты и пересчитала параметры. Изменение было небольшим, но последствия — фатальными: можно забрать почти всё.

Волков отступил.

— Моя правка — мелочь: контур охлаждения, не более. Мне не тягаться с тем, что придумал гений. Лина, может, остановимся, пока не поздно?

Смирнов смотрел на линии в блокноте — они напоминали рисунок ловца снов.

— Теперь мы точно не надзиратели. Мы — технологи будущего.

Смирнов собрал листки стопкой, постучал краем по столу, выравнивая.

— Орлов ждёт образец. Нужно довести до «абсолюта».

Лина взглянула на свои руки, испачканные мелом. Несколько часов назад был конец дня; теперь старый день не заканчивался — сутки шли двадцать девятый час. Время извлекло само себя из нового дня и прибавило к старому.

Шаг в неизвестное.

Она могла объяснить себе, как это произошло, обосновать параметры, рассчитать эффективность. Но ни одна из цифр не отвечала на главный вопрос: означает ли это конец науки — и начало более страшных метаморфоз.

Глава 6. Компромисс

1995–1996 годы

Экстрактор не запустился в полноценном режиме. Первая попытка закончилась резким воем трансформаторов. Звук оборвался — несколько секунд давил тупым гулом, пока автоматика не отрезала питание.

Мембрана — сердце машины. Она должна была пропускать и контролировать электромагнитное поле. Но материал не выдержал волны и превратился в труху.

Александр Петрович вынул обгоревший фильтр и бросил его в мусорное ведро.

— Вонь жжёного полимера хуже старой тухлятины.

На доске красовались расчёты, по которым всё должно было работать, — но оно не работало.

— Нужен тантал, Лина, — сказал Волков. — Металл, который используют при высоких нагрузках. Обычный композит не выдерживает магнитного поля сепарации дофамина. Мы пытаемся удержать молнию пластиковым стаканом.

Нужный материал существовал. Однако получить его оказалось непросто: «Гармония» больше не была в приоритете.

Иван Сергеевич вошёл, когда Волков ещё препарировал мысли о вонючем фильтре. Он не стал обсуждать неудачный запуск: вопрос был не только в новой мембране. Теперь сама работа зависела от решений наверху.

— Денег нет, — сказал Сомов. — Орлов перебросил всё на «Школьный контур». Ему нужны дети. Система сначала хочет выявлять — раньше, чем решать, что с ними делать.

Лину вывернуло на изнанку от слов Сомова. В голове ещё свербили расчёты, обещавшие высокий выход концентрата. Теперь между теорией и практикой стояли не деньги — нечто подороже: взвесить, сможет ли она смириться с тем, что Орлов направил взгляд на школы.

Под потолками школьных классов уже устанавливали объективы СЭБ.

Лина видела детей, учителей, занятия — но не видела и не могла представить будущего: что их ждёт. Для школьников камеры — часть обстановки, как очередной учебник. Но не для Лины.

Экстрактор ждал. Ему не хватало подходящего материала: расходников, что сломались, — или детского смеха. Или плача. И те и другие «расходники» требовали внимания Лины, но лишь одни получали стопроцентную поддержку государства.

— Ты слишком устаёшь, — сказал Волков, забирая штатив с пробами. — Твой стресс сейчас так высок, что камеры Орлова скоро тебя вычислят. Отдохни. Я сам закончу анализ плазмы.

Он говорил о её состоянии так же, как о любом измеряемом параметре. Но в его просьбе отдохнуть было то, чего не учитывал ни один датчик: он видел, что Лина продолжает работать, хотя уже выжала себя.

Смирнов не вмешивался в их перепалки. Он молча выложил на стол упаковку с новой мембраной.

— Нате. «Ваш» тантал пусть срабатывает, — сообщил он. — Он сократит время испытаний на тридцать процентов.

Железяка. Неужели так бывает? Ничтожная железка — столько пользы.

Лина рассмотрела структуру новой мембраны из тантала. Смирнов умел удивить. Это не было показухой — но он болел и за «Архив».

— Мы экономим на всём, Андрей. Пытаемся создать надёжное из того, что есть.

— Главное не жалость, Лина. Главное — связи.

Для Смирнова это был рабочий принцип: если ресурсов мало, найди того, кто даст с лихвой, под любым предлогом. Колхозно? Зато работает. В его ответе не было пренебрежения — обыкновенное солдафонство. Но его методы повышали эффективность — на благо всех, его отчётов в том числе.

«Омега» не требовала, чтобы технологии были красивыми. Ей были нужны результаты.

Лина продолжала работать, хотя всё труднее становилось отделить собственное стремление от задач, которые определили за неё.

Компромисс. Лина по-женски надеялась, что достаточно пережить этап, найти подходящее решение — и право самой определять дальнейшие шаги снова вернётся к ней.

Нет.

Условия, на которые она соглашалась ради продолжения работы, однажды станут постоянными.

Глава 7. Концентрат страха

1996 год

Новый прототип с ульем из проводов и штекеров занимал почти весь зал. По форме он напоминал медицинский томограф, соединённый с промышленным прессом: массивный корпус, трубки охлаждения, панель управления, узкие прозрачные участки магнитного контура, сквозь которые можно было наблюдать, как вытекает жизнь.

Установка работала.

Лина вцепилась в тумблеры настройки с неистовым страхом: отпустить — значит испортить что-то. После нескольких неудачных попыток руки боялись сами.

Это ещё не делало экстрактор надёжным — но позволяло приступить к испытаниям на живом.

— Запускаю.

Низкая частота прошла через помещение и отозвалась неприятным эхом во внутренних органах. Последовательно загорелись все индикаторы. Давление росло быстрее, чем показали расчёты накануне — очередного «длинного дня» в тридцать часов, до шести утра.

— Охлаждение на пределе, — сообщил Волков. — Плазма закипает в коллекторе.

Лина следила за показателями. «А чью кровь мы тестируем?»

Первые пробы прошли успешно: устройство отделяло нужные компоненты, и расчёты подтверждались. Но стоило ввести живой биоматериал — не плазму — чистота упала до шестидесяти пяти процентов.

Разница была слишком велика, чтобы списать её на погрешность.

Взаимодействие с живым материалом меняло условия процесса. Магнитное поле не только выделяло — оно нарушало структуру гормонов, превращая часть извлечённого вещества в бесполезный скользкий осадок, похожий на человеческий жир.

— Нестабильность поля, — сказал Волков. — Фу, какая гадость. — Ткнув пальцем в жёлтую маслоподобную часть человека, он научно дополнил: — Мы не захватываем молекулу, а разрушаем её. У нас пока слишком грубый инструмент.

Усилить поле означало улучшить результат. Ослабить — рисковать, что молекулы вообще не отделятся. Проблема заключалась не в недостатке мощности, а в самом способе взаимодействия с живым материалом.

Она перечитала записи предыдущих испытаний. Решение не находилось. Каждый новый вариант либо снижал выход концентрата, либо усиливал разрушение компонента.

Смирнов шутя подошёл к терминалу и сдуру выдал какую-то чушь.

— Мы используем статичное поле. Я слышал о камертоне — что-то там о резонансе. Он даёт соединиться всему — позволить молекуле войти в согласование с частотой экстрактора, а затем извлечь её из потока.

Лина, подобно рентгену, отделила личный шум Смирнова от нужных слов.

— Мы сможем снизить нагрузку на мембрану, — сказала она.

— И уменьшить потери, — добавил Волков.

Смирнов судорожно завихлял карандашом, не осознавая, что записывает сам себя.

Лина почти не покидала лабораторию трое суток.

Когда снова запустили цикл, гул изменился. Низкая вибрация уступила место тонкому, ювелирному звуку.

— Восемьдесят пять процентов чистоты, — гордо сообщил Смирнов. Прочитать цифры на индикаторе он умел.

В резервуар по тонкой трубке стекала прозрачная маслянистая жидкость с едва заметным желтоватым оттенком.

Лина проследила за ней до конца контура. Это был первый концентрат одного из гормонов, полученный из человеческой «плоти и крови».

— Значит, работает, — произнесла она.

Все молчали.

Теперь нужно понять, что именно мы получили.

Лина перевела взгляд на спектрограмму.

— Александр Петрович, посмотрите.

В данных происходило нечто, чего не предсказывали расчёты. Состав не просто отделялся от плазмы: его молекулярная структура менялась. На экране появились необычно активные соединения, отличавшиеся от исходного гормонального профиля.

Лина увеличила картинку и проверила повторно. Это кортизол — несомненно. Но кортизол слона — не человека.

— Экстрактор не только отделяет их, — сказала она. — Он их изменяет.

Волков рассмотрел спектрограмму и сопоставил её с исходниками.

— Это побочка?

Лина не могла включиться в реальность происходящего. Она ещё раз прошла по последовательности, пытаясь найти ошибку или объяснение, которое вызвало цепную реакцию усиления концентрации.

— Пока не знаю. Но это не то, что мы рассчитывали получить.

Вместо ожидаемого гормонального профиля установка, по всей видимости, формировала соединения с повышенной активностью. Результат мог оказаться стимулятором, способным вызывать сильный эмоциональный отклик или воздействовать на нервную систему за считаные секунды.

«Что за чушь я несу? Стоп. Слушайте все ещё раз». Лина собралась.

— Экстрактор его выдавил через ушко иголки — и вмиг сцедил всё. Скорость, умноженная на объём. Так понятнее?

Это выходило за рамки.

Экстрактор задумывался как средство выделения. Теперь это не только бездонная бочка, но и орудие пыток. Если это подтвердится, речь будет идти не просто об отделении, а об уничтожении жизни внутри жизни.

— Мы должны повторить, — Лина не шутила. — И проверить, на каком этапе возникает аномалия.

— Сначала нужно всё проверить на предмет ошибок, — Волков не переставал сомневаться. — Потом уже сравнивать, что там снова вылезет из трубки.

Смирнов продолжал сидеть за компьютером. Он не вмешивался — но уже сохранял результаты перед отправкой.

Лина заметила.

Щелк — компьютер Смирнова отключился.

— А это — пока не отправляйте.

Смирнов вскочил, как ошпаренный, и уставился на Лину.

— Результаты подлежат регистрации. На каком основании вы позволили отключить ме…

— Андрей, погодите. Лина права, это опасно. Мы не можем — на кону дети.

— В «Архив» передаются измерения, а не ваши опасения. — Ладно… — Он успокоился и начал водить вокруг кнопки выключенного компьютера, как ребёнок.

— Андрей, — сказала она чуть виновато, — мы ещё не знаем, как это действует. Дайте мне время…

— Я дам. Сколько? Час? Два?

Он говорил спокойно, без угрозы или давления. Для него сохранение данных было частью работы. Но именно эта безличная последовательность действий тревожила Лину сильнее приказа.

«Как „плохиш“, который борется сам с собой» — чуть не произнесла она вслух.

Лина снова посмотрела на резервуар. Жидкость казалась почти безобидной. Но за её прозрачностью скрывалось то, чего никто не знал.

Смирнов продолжал заносить увиденное в блокнот. Лина видела его отражение на экране — рядом, на выключенном мониторе. «Пишет… всё равно пишет…»

Волков надел медицинскую перчатку, затем медленно снял её с руки, как чулок, повернув руку вокруг оси предплечья.

— Мы хотели научиться извлекать гормоны. — Пауза. — А теперь даже не уверены, что именно извлекаем.

Лина не возражала.

Научный успех обернулся неизвестностью, а вместе с ней — новой ответственностью.

Результат был получен.

Судя по спектрограмме — они извлекли страх.

Глава 8. Метания

1997 год

За год неузнаваемость стала нормой.

Оборудование заняло все свободные участки стен. Рабочие столы обросли приборами, между установками протянулись новые линии охлаждения и подачи образцов. Электрические джунгли выросли — и, наверное, вросли бы в своих обитателей, если бы те временами не выходили поспать.

Работа больше не состояла из опытов.

Триста шестьдесят пять дней.

Сотни экспериментов. Тысячи записей. «Архив Омега» жирел.

Не всё заканчивалось удачно. В первые месяцы мембраны изнашивались, горели, мусорные вёдра наполнялись — воняя. Команда постепенно научилась извлекать след из живой ткани эффективно.

Экстрактор перестал быть чертежом, который обещал больше, чем мог.

Теперь он работал.

Лина всё чаще ловила себя на том, что оценивает происходящее привычным языком. Производительность. Стабильность. Точность. Если показатели соответствовали — успех. Нет — несите следующего.

Так было проще.

За год изменился и Волков. Черты лица стали резче, под глазами — мешки. Работа с реактивами, постоянная калибровка и долгие смены сказывались сильнее, чем прежде. Его прежний запас сил не возвращался после отдыха.

Волков не жаловался. Он относился к экстрактору как к части собственной жизни.

Лина открыла отсек и достала первый штатный картридж.

Он был тяжелее, чем казался. Внутри — двенадцать ампул с вязким фосфоресцирующим составом. Жидкость испускала слабое свечение.

Лина медленно повернула картридж на свет.

Перед ней был результат целого года работы. В этих ампулах заключались сотни часов расчётов, неудачных попыток, повторных измерений и технических решений. И…

…это была только одна сторона.

В ампулах находилась «энергия», извлечённая из людей.

— Всего сто пятьдесят субъектов, — просипел Волков с хрипотой в голосе. — Сто — из «Заполярья», пятьдесят — из «Гармонии». Данные обработаны и систематизированы. В «Архиве Омега» это называется «стабилизация психоэмоционального фона». — Собственной персоной — можно потрогать.

Последнюю формулировку он произнёс без интонации.

Лина посмотрела на него.

— Потрогать?

— Да.

— Феерично.

Волков хотел сострить, но…

— Для нас…

Это был приемлемый ответ. И всё же теперь, спустя год, он прозвучал иначе.

Жёлтый состав связывали с радостью, алый — с силой, синий — с размышлениями. Феерия, которая упрощала работу с образцами. За каждым оттенком стояли реакции, выращенные в субъектах, как зелёная травка для кроликов.

Вопрос напрашивался сам: кто кролики?

В лабораторных записях человек постепенно превращался в последовательность параметров. Такая система позволяла находить закономерности и исключать ошибки.

Лина требовала, чтобы каждый образец можно было проследить от исходных показателей до конечного состава.

Теперь точность означала больше, чем надёжность.

— Криокамера готова, — Волков достал маленький ключик и передал Лине. Второй остался в его кармане.

Лина установила картридж в гнездо. Фиксаторы сомкнулись с негромким щелчком. Затем пошёл жидкий азот, и ампулы окутал холодный туман.

Минус сорок.

Минус восемьдесят.

Минус сто двадцать.

Лина наблюдала, пока температура на индикаторе криокамеры не показала - «мы на Марсе».

Когда-то она представляла научный результат как открытие. Теперь она не могла утверждать, что понимает конечную цель.

Масштаб замысла не умещался в лаборатории.

Данные, которые команда собирала ради совершенствования экстрактора, становились основой для следующих решений.

В списках дальнейшего «доения» могла оказаться и она.

Глава 9. Искра

1999 год

Смирнов вывел изображение на монитор перед Линой.

— Смотри. Так должно быть?

На экране — столовая реабилитационного центра. Пациенты двигались в очереди, брали подносы, садились за столы. Камеры фиксировали всё.

Один из мужчин нёс свой поднос. На повороте он пошатнулся — поднос выскользнул. Металл с грохотом ударился о пол. Посуда разлетелась.

Мужчина несколько секунд неподвижно разглядывал осколки, словно пытаясь понять, что произошло. Затем шагнул в сторону, и ткань его брюк потемнела от крови: осколок рассёк ногу.

Пациент не звал на помощь. Он не заметил. Даже не наклонился.

Он просто стоял, пока остальные обходили его и разбросанную посуду.

— Он не понимает, что ранен?

— Нет, — отрапортовал Смирнов. — Число конфликтов снизилось. Формально система считает результат положительным.

Смирнов переключил экран.

— Есть другая проблема. Вместе со снижением активности падает производительность. Пропадает инициатива. Им всё труднее без прямого указания. Если возникает нестандартная ситуация — они впадают в ступор.

— Мы добились стабильности, — произнёс Волков. — Только какой ценой?

— Он даже не обращает внимания на собственную кровь. В отчёте всё будет выглядеть, будто лечение прошло успешно, так, Андрей?

— Нам нужно понять, что мы подавили, извлекая.

В кабинете Ивана Сергеевича собрались все четверо: Лина, Волков, Смирнов и сам профессор.

Иван Сергеевич снял очки и протёр их краем платка.

— Мы не можем считать отсутствие реакции полноценным восстановлением. Человек должен замечать опасность, оценивать происходящее и принимать решения.

— Именно поэтому я предлагаю решение, — сказала Лина. — Мы изучили показатели. Магнитный оттиск серотонина поддаётся синтезу. Можно попробовать создать вспомогательный препарат, который частично компенсирует извлечение.

На экране появилась предварительная формула.

— Искусственный серотонин, — продолжила Лина. — Я назвала его «Искра».

Название прозвучало неуместно среди графиков и показателей. Но Лина не стала объяснять. Она хотела вернуть пациентам хотя бы часть способности реагировать. Не обязательно прежнюю интенсивность эмоций — хотя бы внутреннюю активность.

Пока это был расчёт.

Волков внимательно изучил формулу, затем перешёл к главному.

— Чтобы удержать нужную частоту поля в молекуле, нам придётся использовать соли тяжёлых металлов. Мы пытаемся вернуть людям способность чувствовать — но можем повредить внутренние органы. Мы ещё не знаем, как соединение поведёт себя при длительном применении. Оно токсично.

— Риски учтены.

Орлов. Из ниоткуда. Как всегда. Он не стал спрашивать. Его присутствие само по себе меняло характер разговора: теперь приходилось оправдываться. Все виноваты…

— Нам не нужны долгожители, Александр Петрович. Если «Искра» даст три года управляемой активности — значит, это оправдано.

Волков не мог более сопротивляться молча.

— Вы говорите о людях так, будто срок их службы уже внесён в техдокументацию.

— А вы предлагаете оставить всё как есть? — Орлов был неприступен.

— Вы же сами не желаете остановить «дойку», — Иван Сергеевич пошёл ва-банк.

Орлов высверлил в профессоре сотню дыр, но не ответил сразу.

— Мы обсуждаем не устройство, а проблему. Блокиратор изменил состояние. Теперь необходимо поддержать их функционал. «Искра» решит задачу. Всё.

— Может, — прошептал Волков.

— Вы что-то сказали? — Орлов издевался.

Иван Сергеевич напомнил о врачебной ответственности и клятве Гиппократа. Но этого уже не слышал удаляющийся силуэт.

На экране по-прежнему оставались графики.

Для Орлова этого было достаточно, чтобы принять решение.

Для Волкова — недостаточно.

Лина смотрела перепалку и пыталась проследить, когда научная гипотеза превратилась в распоряжение.

Хотя «Искра» — временный заменитель. Отказ от разработки противоречил Орлову.

Лина могла настаивать на исследованиях. Могла отказаться от синтеза.

Она снова посмотрела на формулу. В ней оставалось множество неизвестных.

Раз за пределами лаборатории решение уже приняли…

— Начинаем синтез, — сказала она.

Волков посмотрел на неё осуждающе. Он не стал спорить.

Смирнов молча записал распоряжение.

На доске оставалась формула «Искры».

Глава 10. Испытания

Конец декабря 2000 года

Александр Петрович Волков ввёл первую дозу «Смеси гормонов» в пустом испытательном боксе.

Состав он приготовил сам. Содержимое нескольких ампул соединил в одном флаконе — без точных измерений, без утверждённого протокола, полагаясь на собственные расчёты и многолетний опыт. Он знал, что такой способ приготовления не гарантирует ни стабильности соединения, ни предсказуемости реакции организма.

Но ждать больше не хотел.

Из-за помех, создаваемых центрифугой, датчики СЭБ временно не считывали показатели. Волков выбрал этот промежуток намеренно. Ему требовалось время, чтобы оценить действие препарата до того, как система обнаружит отклонения и кто-нибудь вмешается.

Он проверил соединение шприца с ампулой, задержал дыхание и ввёл препарат.

Первые секунды ничего не происходило.

Волков посмотрел на монитор. Показатели оставались почти неизменными. Он уже собирался записать время введения, когда внутри возникло странное ощущение — будто что-то, долго находившееся под давлением, наконец отпустило.

Пустота, оставшаяся после смерти жены, не исчезла из памяти. Изменилось само воспоминание. Оно больше не казалось чем-то безвозвратно утраченным, отделённым от настоящего непреодолимой стеной.

На мгновение Волкову почудилось, что он снова слышит её голос.

Не запись. Не случайный звук, который сознание могло принять за знакомую интонацию. Голос возник внутри воспоминания с такой отчётливостью, что Волков невольно повернул голову.

В боксе никого не было.

Он знал, что это может быть реакцией мозга на химическое воздействие. Понимал, что препарат способен искажать восприятие, связывать ощущения с памятью, создавать иллюзию присутствия умершего человека.

Но знание не отменяло переживания.

Вместо привычной боли пришло тепло. Напряжение, которое годами сопровождало каждое воспоминание о жене, ослабло. На короткое время прошлое перестало казаться закрытой дверью.

Волков сел за стол и открыл дневник. «Правда — как ветер. Её нельзя поймать, зато можно почувствовать».

«Фантомные боли сознания исчезли. Я снова слышу голос жены. Сознание говорит, что это галлюцинация, вызванная стимуляцией гиппокампа, но мне неважно, что говорит моё сознание. Я чувствую её присутствие в каждом вдохе. Это не просто химия. Это возвращение назад, это обретение счастья».

Он перечитал написанное.

Научное объяснение оставил. Вычёркивать его было бы нечестно: он не мог доказать, что действительно приблизился к жене, а не испытал действие вещества. Однако впервые за долгое время возможность ошибки не казалась ему достаточной причиной отвергнуть пережитое.

— Вы выглядите слишком позитивным, Александр Петрович, — заметила Лина.

Она стояла у приборов и изучала показания. Её взгляд задержался на расширенных зрачках Волкова, затем перешёл к графикам.

— Индекс радости выше ожидаемого для человека в вашем состоянии.

— Я просто наконец-то хорошо выспался, Лина. Гнетущая пустота ушла. Я чувствую себя лучше.

Он произнёс это спокойно. Не пытался отрицать показания и не убеждал её в безопасности препарата. Он говорил о единственном, что имело для него значение: ему стало легче.

Лина снова посмотрела на экран.

— Улучшение самочувствия ещё не означает, что состав безопасен.

— Я знаю.

— Нам нужны дополнительные измерения. И наблюдение в динамике. Мы не можем делать выводы по одной реакции.

— Согласен.

Волков не спорил. Именно это насторожило Лину сильнее, чем его приподнятое настроение. Обычно он задавал вопросы, требовал обоснований, находил слабые места в расчётах. Теперь же принимал каждое предупреждение так, словно уже слышал его раньше и заранее согласился со всеми доводами.

Она не знала, было ли это признаком облегчения или первым изменением, которое следовало считать тревожным.

В ближайшие дни Волков продолжал наблюдать за собой. Он записывал продолжительность сна, частоту пульса, изменения настроения и интенсивность воспоминаний. Старался отделять объективные показатели от субъективных ощущений.

Но дневник постепенно менялся.

Сначала в нём преобладали цифры и краткие наблюдения. Затем появились описания голоса жены, её привычек, выражения лица. Волков возвращался к этим страницам чаще, чем к таблицам. Он перечитывал их после работы, задерживался на отдельных фразах, пытался восстановить ощущение близости.

Препарат не вернул ему прошлое.

Он лишь сделал воспоминание настолько ярким, что Волкову стало трудно мириться с его отсутствием в настоящем.

Через три недели картридж опустел.

Без препарата мир не просто стал прежним — он показался тусклее, чем Волков помнил его до первой инъекции. Обычные звуки раздражали. Привычные занятия требовали усилий. Мысли о жене, которые недавно приносили тепло, снова сопровождались тяжёлым чувством утраты.

Волков понимал, что действие вещества закончилось. Он мог бы описать происходящее языком симптомов, перечислить возможные механизмы и составить план наблюдения.

Но за медицинскими терминами оставалось то, чего не отражал ни один график: теперь он знал, что может снова почувствовать близость жены, пусть даже на короткое время.

И ему пришлось жить с памятью об этом.

Он стоял перед Линой.

— Мне нужна ещё порция.

В его просьбе больше не было попытки сохранить видимость обычного профессионального разговора.

Лина отложила результаты анализов.

— Вы понимаете, что мы не можем продолжать инъекции без оценки накопительной токсичности? Мы ещё не знаем, как препарат действует при длительном применении. Это может повлиять на работу нейронов.

— Я понимаю.

— Тогда почему вы просите следующую дозу?

Волков помолчал.

— Потому что знаю, что она может помочь.

— Вы знаете, что в прошлый раз почувствовали облегчение. Это не одно и то же.

Он опустил взгляд. Возразить было нечего. Лина говорила то, что он сам написал бы в заключении, если бы речь шла о другом человеке.

Она предложила дополнительные анализы, повторные измерения и отсрочку следующего введения до получения результатов. Волков выслушал её, не перебивая.

Он не заблуждался относительно рисков. Не считал препарат безвредным. Не верил, что одно удачное испытание доказывает безопасность последующих.

Но теперь он сравнивал каждое мгновение с тем временем, когда снова чувствовал близость жены.

И это сравнение постепенно вытесняло остальные доводы.

Ночью Волков вернулся в лабораторию.

Коридоры были пусты. За стеклом испытательного бокса горел дежурный свет. Он знал расположение камер, часы их обслуживания и промежутки, когда помехи от оборудования затрудняли передачу данных.

Второй ключ — Линин — ещё днём остался у него: она просила сверить картриджи после калибровки. Волков не вернул его.

Замки криокамеры сомкнулись вхолостую — один за другим.

Он открыл дверцу. Холодный туман потёк по полу.

«Смеси гормонов» там больше не было. Оставался прототип «Искры» — неочищенный синтетический состав с повышенным содержанием солей тяжёлых металлов.

Волков остановился перед ампулами.

Это было другое вещество.

Он не перепутал препараты и не забыл предупреждений Лины. Безопасность «Искры» не была подтверждена; её действие на организм при таком способе применения оставалось неизвестным. Сходство отдельных механизмов не означало, что одно соединение могло заменить другое.

Волков понимал всё это.

И всё же достал ампулу из гнезда.

Он включил компьютер, открыл результаты предыдущих испытаний и начал сопоставлять данные. На экране сменялись молекулярные массы, расчётные коэффициенты и показатели токсичности. Он возвращался к исходным значениям, проверял вычисления, отбрасывал одни варианты и пробовал другие.

Работал сосредоточенно, почти привычно.

Только вопрос, на который он хотел ответить, уже не был исследовательским.

Он больше не искал способ понять действие препарата. Он искал способ вернуть пережитое.

— Эквивалентность доз… Если учесть молекулярную массу свинцового катализатора…

Волков замолчал и снова просмотрел данные.

В дневнике появилась строка:

«Одна ампула „Искры“ равна трём неделям жизни. Или одному мгновению настоящего света».

Это выглядело как вывод, но не было им. Три недели — срок, в течение которого после первого введения сохранялось действие «Смеси гормонов». Он не давал основания рассчитывать эквивалентную дозу другого вещества. Ни один из проведённых экспериментов не подтверждал подобного соответствия.

Волков знал это.

Но ему нужен был ответ, и он свёл несопоставимые величины в одну формулу, пока не получил результат, который позволял действовать.

Он закрыл расчёты.

В лаборатории было тихо. На мгновение ему вспомнилось, как жена когда-то стояла рядом с ним, пока он работал, и просила хотя бы ненадолго отложить бумаги. Он почти услышал её интонацию.

Волков посмотрел на ампулу.

— Только ещё раз, — прошептал он.

Он ввёл препарат.

Эйфория вспыхнула резко, почти ослепительно. Образ жены заслонил лабораторию. Волкову показалось, что она снова рядом, что расстояние между прошлым и настоящим наконец исчезло.

Он попытался удержать это ощущение.

Но оно начало распадаться.

Сначала изменилось дыхание. Затем участился пульс. На мониторе появились значения, которые Волков ещё мог прочитать, но уже не успевал связать в единую картину. Сердце билось так быстро, что каждый удар отдавался в груди болью.

Судорога заставила его согнуться.

Он схватился за край стола, пытаясь удержаться на ногах. Запахи лаборатории смешались с воспоминаниями. Мысли потеряли последовательность. Образ жены то приближался, то исчезал, распадаясь на отдельные черты, которые Волков отчаянно пытался соединить.

Он потянулся за дневником.

Нужно было записать симптомы. Время введения. Частоту пульса. Последовательность изменений. Он всё ещё пытался действовать как исследователь — найти причину, установить закономерность, оставить после себя данные, которые могли бы объяснить произошедшее.

Но рука больше не слушалась.

На бумаге вместо слов остались неровные чёрные линии.

Волков попытался подняться, однако ноги не удержали его. Он опустился в кресло, тяжело дыша, и снова посмотрел на монитор. Цифры расплывались перед глазами.

Камеры зарегистрировали необычную активность сотрудника в лаборатории. Система получила данные, которые могла классифицировать и сохранить. Показатели выходили за допустимые пределы, но сами по себе ещё не объясняли, что именно происходило с человеком за стеклом.

На столе лежал раскрытый дневник.

Последняя запись обрывалась.

Волков больше не смотрел на приборы. Он пытался удержать то, что на короткое время открылось ему после первой инъекции, — и чего теперь не мог вернуть.

В лаборатории продолжали работать приборы.

А система наблюдения продолжала записывать.

Глава 11. Утилизация

Утром Лина вошла в лабораторию. Ноги подкосились.

Волков сидел неестественно: голова набок, глаза открыты. Взгляд стеклянный и мутный, как у гигантской куклы. Лицо казалось спокойным — от этого неподвижность тела выглядела страшнее. Рядом работали приборы, не замечая своего «соседа».

На столе — раскрытый дневник.

Последняя запись обрывалась. Буквы постепенно теряли форму, превращаясь в неровные штрихи и затем в линию…

«Она… здесь. Доступ к прошлому взломан. Тело — перегретый радиатор. Мысли пу… „Искра“, спасибо за свет…»

Лина прочитала трижды.

Слова распадались, ход мыслей утрачен. Безвозвратно.

Лина хотела коснуться его, но… не смогла.

Кожа трупа — плохой эксперимент.

Рука отнялась — минуты тянулись. Дневник ничего не объяснял: почему Волков решил, что несколько минут счастья стоят смерти?

Он знал, что «Искра» токсична. И всё же ввёл ее.

Понимание Лины не делало его смерть вылечиваемой.

В коридорах никто не произносил того, что знали все: Волков мёртв.

Для одних смерть — предупреждение. Для других — отвращение, сравнимое с трупным запахом.

Вечером пришёл Смирнов.

— Я могу очистить логи твоего компьютера. Если Орлов увидит, что ты знала о дозах Волкова…

— Оставь, Андрей.

Камеры зафиксировали ночную активность Волкова, сведения в журналах сохранились.

Смирнов не настаивал.

Вскоре прибыла комиссия СЭБ.

На расследование отвели ровно пятнадцать минут — «честная» плата.

Появился отчёт:

«Объект: Волков А. П. Выход из строя по причине индивидуальной реакции рецепторов. Особенности биоматериала. Случай признан единичным и не влияет на развёртывание производства „Искры“».

Сто раз можно перечитать…

Сомов тоже перечитывал. На лице застыла усталость. Он ни на миллиметра не дёрнулся, когда вошла Лина.

— Мы его убили, Иван Сергеевич!

Слова прозвучали громче, чем гонг в Колизее. Возражения уместны? Волков сам ввёл препарат, нарушил правила. Любое из этого — довод.

Сомов взял в руки СЭБовскую бумажку.

— Это не мы. Это… «Архив».

Он произнёс это твёрдо, почти официально. Лина не понимала.

— Утилизация завершена. Завтра начинаем испытания в «Заполярье». Таково распоряжение. Смирись. Мы — псевдохранители. Либо проводим сигнал, либо сгораем.

Лина смотрела и не задавала вопросов.

Она вышла. Под потолком мигал красный индикатор. Лина задержала взгляд — и пошла дальше.

Смерть Волкова получила код, причину, статус. В графике для неё не оставили и строки.

Глава 12. Эликсир эмоций

Январь 2001 года

Андрей Смирнов изучал записи Волкова. Журналы экспериментов, результаты спектрометрии, расчёты остаточных концентраций. Снова и снова выстраивал параллели, пытаясь восстановить цепочку, приведшую к гибели. Вопросы множились.

На экране — алгоритм. В голове — тухлая каша.

— Посмотрите, Иван Сергеевич. Если рассматривать всё по отдельности, логики нет. Но совокупность рождает истину. Одна реакция цепляется за другую, усиливая последующую. Это не параллель — это живой канон.

— «Симфония гормонов», — произнёс Сомов. — Теперь понятно, почему он так назвал смесь в своих записях.

— Если человек снова получает состояние, которое считал утраченным, он впадает в зависимость. Это… это… нар…

Сомов приложил палец к губам.

Тцц.

— Точнее, — Смирнов дожал без слова. — Первый приём возвращает утраченное состояние. Второй нужен, чтобы вернуть первый. Третий — чтобы вернуть второй. Кривая повторных обращений растёт не от желания. От математики.

Модель объясняла всё. Популяризовала цену, рекламируя сама себя многократно — сарафанный эффект… цепная реакция… заражение… смерть…

На следующий день прибыл Орлов. На его плечах блестели генеральские погоны. Новый этап — новое звание. Никто не удивился.

Орлов потребовал отчёт. Ах, как банально, чёрт возьми. Отчёт про смерть в будущем… Вы серьёзно?

Он взглянул на модель, перелистал страницу с выводами. Подробности его не интересовали. Он искал подтверждение и гарантии работающего продукта.

— Эффект можно воспроизводить?

— Предварительные данные показывают, что воздействие смеси закономерно, — Смирнов поймал унисон. — Мы не установили предел безопасности.

Орлов достал из кармана чёрную лакированную палочку и с хрустом чуть не сломал её пополам, обнажив золотое остриё с каплей ядовито-фиолетового на конце.

— Вот вам предел.

Остриё вонзилось в листок с данными. Фиолетовая капля растеклась, как прокол. Рядом уже стояла размашистая подпись «теперь уже Генерала».

— Мы назвали это «Симфонией гормонов», — голос заметно дрожал: тандем с глазами, смотрящими на погоны генерала, сломался.

— Для научной работы? Возможно. Но серийный препарат не выйдет на рынок с этими соплями. «Эликсир эмоций» — без обсуждений.

Новое название прозвучало. Да — прозвучало. И всё.

— Но испытания же не завершены, — Смирнов сдавался. Жаль.

Орлов не то чтобы не слышал или не слушал: его полоса пропускания отрезала шум Смирнова — совсем.

— Мощности должны быть готовы в установленные сроки. Отчёты — в рабочем порядке.

Он закрыл папку.

Когда Орлов ушёл, Андрей нашёл Лину в углу у центрифуги.

— Ты слышала? «Эликсир эмоций».

Лина оторвала ладони от ушей.

— Нет… Я не могу его слушать.

Андрей посмотрел на экран. Там оставались разработки Волкова. Нажал клавишу «DELETE».

Научное открытие сохраняло имя, данное ему создателем, только в мыслях тех, кто знал Волкова.

— Он ведь хотел понять, что с ним происходит. Не сделать из этого продукта.

— Теперь это уже не имеет значения, — ответила Лина.

Она произнесла это без злости. Собеседника ещё можно убедить. Но если это мёртвый собеседник…

Глава 13. Конфликт

Совещание в СЭБ проходило за закрытыми дверями. Орлов во главе стола, перед ним план-график. Он перелистывал страницы — жуткий шелест будущих действий.

Под полом серверная пыталась вступить в схватку. Её гул лишь оправдывал и дополнял микс тактов шуршания, подчиняясь план-графику Орлова, — ничего уже не остановить.

— Производство «Искры» необходимо приостановить, — позволила начать себе Лина. — Нам нужны исследования. У пациентов, получающих заместительную терапию, появились признаки токсического воздействия. Мы не понимаем всех механизмов. Накопление препарата — это смерть.

Орлов не сразу поднял глаза от ежедневника.

— Доктор, вы недооцениваете масштаб. Задержка затронет производство «Эликсира» и открытие новых центров реабилитации. Сроки утверждены, ресурсы распределены. Мы не можем пересматривать программу каждый раз, когда вы сомневаетесь.

— Это не дополнительные вопросы. Мы рискуем жизнями, — возразила Лина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.